

От редакции

Публикацией статьи «Международная составляющая правовой системы России»¹ редакция журнала «Правоведение» начала дискуссию по широкому кругу проблем, касающихся соотношения и взаимодействия нормоустановлений двух правовых систем — национального и международного права. Пожалуй, тон дискуссии задала статья профессора Станислава Валентиновича Черниченко «Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (Размышления по поводу некоторых книг коллег)».²

Круг вопросов, так или иначе относящихся к данной теме, достаточно широк. Это процессы соотношения, взаимодействия и взаимовлияния двух типов правовых систем; механизмы включения норм международного права в орбиту функционирования внутригосударственного права; порядок применения и толкования международно-правовых норм; соотношение норм двух правовых систем в процессе их функционирования и целый ряд других.

Упомянутые проблемы давно и заинтересованно обсуждаются как в отечественной, так и в зарубежной правовой доктрине. Однако с принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации дискуссия о соотношении международного и национального права приобрела особую тональность. Включение в Конституцию положения о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, потребовало от специалистов не только анализа нововведения, но и объяснения того, как элементы одной правовой системы могут входить в состав другой, как они в ней существуют и действуют.

По обилию публикаций, точек зрения и толкований п. 4 ст. 15 Конституции РФ, вероятно, не имеет себе равных. Он детально исследуется специалистами в области правовой доктрины, международного и государственного права — теоретиками и практиками. С момента принятия Конституции РФ прошло более 15 лет, а дискуссия по поводу этого конституционного положения идет с неослабевающей силой. Однако, по большей части, при этом обсуждаются общетеоретические, концептуальные аспекты проблемы. Гораздо реже специалисты берут на себя труд посмотреть, как же реализуется на практике это конституционное положение. Такую задачу поставил перед собой профессор С. Ю. Марочкин, статью которого мы помещаем сегодня в рубрике «Актуальные проблемы международного права».

Сергей Юрьевич Марочкин — один из самых авторитетных специалистов в области международного права. Он давно, заинтересованно и квалифицированно исследует правовые проблемы действия международного права в правовой системе России. В 1998 г. он написал по этому вопросу прекрасную монографию, которая стала заметным событием в отечественной международно-правовой литературе.³ Позднее им был опубликован ряд работ, в которых он развил и расширил свою концепцию.⁴

¹ Правоведение. 2007. № 6; 2008. № 1.

² Там же. 2009. № 1.

³ *Марочкин С. Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998 (переиздана в 2005 г.).

⁴ *Марочкин С. Ю.* 1) К 10-летию Конституции Российской Федерации: проблемы реализации принципа о нормах международного права как составной части правовой системы России // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 года) / под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой и А. В. Сычевой. М., 2004; 2) Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского процесса. 2005. № 4; 3) Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Юридический мир. 2006. № 4; и др.

С. Ю. Марочкин полагает, что за время, прошедшее со дня принятия Конституции РФ 1993 г., сложилась широкая, разветвленная и устойчивая система применения на практике (судами, прокуратурой, иными правоприменительными органами, адвокатами, гражданами) международных обязательств России. Эта практическая реализация конституционного установления требует ныне осмысления. Обращение к международному праву стало обычным делом в судах всех видов и инстанций — в целях правовой аргументации, выработки правовых позиций, определения применимого права, обоснования и формулирования решений.

Более того, суды значительно развили буквальное содержание конституционного принципа и опираются в своей деятельности не только на нормативно-правовую составляющую (общепризнанные принципы и нормы и международные договоры), но и на иные элементы международно-правовой системы — резолюции и рекомендации международных организаций, решения международных органов, модельные акты, правовые позиции и решения международных судебных учреждений.

Проведенное С. Ю. Марочкиным детальное исследование практики применения международно-правовых установлений в России позволяет ему сформулировать весьма важный вывод о том, что международная составляющая правовой системы РФ в действительности намного шире, чем предусмотрено буквой Конституции. Думается, что нашим читателям будет интересен не только сам этот постулат, но и рассуждения автора, позволившие его сформулировать.

Теперь несколько слов об авторе статьи. Сергей Юрьевич в 1979 г. окончил юридический факультет Иркутского государственного университета. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1984 г. под руководством профессора Д. Д. Остапенко, была посвящена эффективности норм международного права. В 1998 г. С. Ю. Марочкин защитил докторскую диссертацию — «Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации». В 1999 г. ему было присвоено звание профессора, а в 2007 г. — Заслуженного юриста РФ.

Сфера его научных интересов — вопросы теории международного права, эффективности и реализации международно-правовых норм, действия норм международного права в правовой системе России. Им опубликовано свыше 100 научных работ, как в России, так и за рубежом.

Многие годы С. Ю. Марочкин успешно сочетает научную и преподавательскую деятельность. В настоящее время он является заведующим кафедрой международного права, директором Института дополнительного профессионального образования Тюменского государственного университета.

В 1991 г. С. Ю. Марочкин стал лауреатом конкурса научных работ молодых ученых-юристов Союза юристов СССР за монографию «Проблема эффективности норм международного права», в 2005 г. — лауреатом Всероссийского конкурса Фонда развития отечественного образования на лучшую научную книгу (в соавт.) за «Практикум по международному праву» (2005). Он награжден поощрительной премией Верховного Совета РСФСР по результатам Всероссийского конкурса на разработку проекта Федеративного договора (в соавт.), золотой медалью Тюменского государственного университета «За выдающиеся успехи». С. Ю. Марочкин является членом исполкома Российской ассоциации международного права; награжден медалью им. Г. И. Тункина, которую вручает эта Ассоциация. Кроме того, он является членом Европейского сообщества международного права.

Думается, что суждения Сергея Юрьевича будут интересны для наших читателей.

В заключение позволю себе выразить надежду, что дискуссия на страницах журнала «Правоведение» по проблемам действия в России норм международного права будет продолжена.

*С уважением,
профессор С. В. Бахин*

О МЕЖДУНАРОДНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ОСВОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАКТИКОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА

С. Ю. МАРОЧКИН

Марочкин Сергей Юрьевич,
Заслуженный юрист РФ, д. ю. н.,
профессор, директор ИДПО
Тюменского государственного
университета

Прошедшая годовщина принятия Конституции Российской Федерации дает повод заново оценить юридическую обоснованность и реальную значимость конституционных положений, а также практику их освоения и реализации.¹

Конституция 1993 г. впервые установила норму об общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах России как составной части правовой системы страны (ч. 4 ст. 15). Важно подчеркнуть, что она закреплена не как «рядовая» конституционная норма, а как норма высшего порядка — общеправовой (для права России) принцип и одна из основ конституционного строя РФ.

Законодательство советского периода содержало в разрозненных актах не объединенные общим принципом нормы о применении правил международных договоров в случае их коллизии с внутренним правом. Воплощенный в Конституции СССР принцип добросовестного выполнения международных обязательств имел слишком общий характер, не создавал общей концепции соотношения и взаимодействия внутреннего права с международным. Правовая система страны в целом не была настроена на действие и применение норм международного права во внутригосударственной сфере.

Хотя обращение к международному праву в советский период нельзя назвать привычным и постоянным, оно отнюдь не было и фрагментарным,

© С. Ю. Марочкин, 2010

E-mail: mar@utmn.ru

¹ О некоторых оценках первых девяти лет действия Конституции см.: *Общепризнанные* принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой, А. В. Сычевой. М., 2004.

а судебная практика — мизерной (или «фактически отсутствовала»), как порой отмечалось в литературе. Такое заключение основано на изучении автором практики судов и органов юстиции разных регионов страны, документов ряда министерств и ведомств по организации исполнения международных договоров, а также периодических обобщений судебной практики, проводившихся министерством юстиции СССР.

Отечественная доктрина того периода в многолетней дискуссии о возможности или невозможности непосредственного действия норм международного права в сфере внутреннего права не продвинулась к обогащению практики единой концепцией. Скорее наоборот: практика и оторванные от нее теоретические построения развивались параллельно. При этом следует отметить, что казавшиеся несовместимыми позиции сторонников «трансформации» и действия и применения норм международного права не были, в сущности, столь уж противоположными и не создавали непреодолимых препятствий для сближения взглядов. И сейчас порой продолжает отстаиваться несовместимость этих подходов,² хотя, насколько можно судить по изучению практики, для нее данный спор едва ли имеет значение.

После принятия Конституции РФ 1993 г. проблема международного права в правовой системе страны стала обсуждаться не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Пока теоретики «ломали копья», практика использования и применения международных норм получила мощный импульс развития. На различных семинарах, симпозиумах и конференциях обсуждались конкретные вопросы; пособия для судей, комментарии к кодексам и законам³ давали необходимые ориентиры и рекомендации.

За годы, прошедшие после принятия Конституции, обращение к нормам международного права стало обычным явлением в деятельности нормотворческих и правоприменительных органов, всех субъектов внутреннего права. Во многом изменились доктринальные подходы и оценки,⁴ теоретические разработки и рекомендации получают практическое воплощение, прежде всего в актах судов различных видов и инстанций. Наиболее яркий пример — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»,⁵ вобравшее в себя многие положения теоретических наработок. Хотя, будучи первой подобной попыткой системного

² См., напр.: *Черниченко С. В.* Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (Размышления по поводу некоторых книг коллег) // *Известия вузов. Правоведение.* 2009. № 1. С. 10 и сл., 27–33; *Усенко Е. Т.* Очерки теории международного права. М., 2008. С. 157, 164–168.

³ См., напр.: *О применении норм международного права правоохранительными органами Российской Федерации* (Обзор материалов научно-практической конференции) // *Государство и право.* 1996. № 5; *Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами* (7–9 февр. 1996 г.) / Национальный комитет Российской Федерации по десятилетию международного права ООН. М., 1996; *Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия* (материалы Всероссийской научно-практической конференции) // *Государство и право.* 1996. № 2–4.

⁴ Обобщающий обзор различных аспектов проблемы и современное состояние ее теоретического освоения см.: *Бахин С. В.* Международная составляющая правовой системы России // *Правоведение.* 2007. № 6; 2008. № 1.

⁵ *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2003. № 12.

регулирования международной составляющей правовой системы страны, оно страдает и определенными недостатками.⁶ Постановление постоянно цитируется в индивидуальных судебных решениях и в последующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по отдельным категориям дел или вопросам судебной деятельности. По сути, оно имеет значение не только для судов общей юрисдикции, но для всей судебной системы России. В помощь судьям при его применении регулярно появляются публикации, издаются пособия.⁷

Судебная практика, наряду с теорией, дает собственное понимание роли международных норм и актов при рассмотрении конкретных дел и вынесении решений, их соотношения с законодательством, богатый материал для оценок, теоретического анализа, обобщений и выработки рекомендаций. Она имеет неоценимое значение в освоении и развитии конституционного принципа о международной составляющей правовой системы страны. Порой из практики следуют ответы на вопросы, которые теория только ставит или для которых не может найти единого решения. Впрочем, и сегодня научные публикации часто не выходят за рамки «чистого» теоретизирования, повторения общеизвестных или устоявшихся положений (нередко без ссылок на авторов), воспроизведения точек зрения и подходов, формулирования дополнительных аргументов в пользу той или иной позиции.

Место и роль норм и источников международного права в правовой системе страны. Рассматриваемый вопрос представляет не только (и не столько) сугубо академический интерес — он имеет юридическое значение и последствия и предопределяет решение других вопросов, в частности о соотношении юридической силы норм международного права и законодательства во внутрисударственной сфере, о правилах разрешения возможных коллизий между ними.

Нормы и источники международного права в процессе их действия в правовой системе России не становятся соответственно внутренними правовыми нормами и источниками российского права. Они не составляют часть внутреннего права, а функционируют наряду с ним. Изучение практики дает возможность подтвердить именно такое восприятие судами конституционного положения о нормах и источниках международного права как части правовой системы страны.

Место и роль последних более детально раскрывается в следующих практических аспектах: они создают рамки для законодательства и его применения, являются непосредственным руководством к действию, толкуются и применяются в свете целей и принципов международного права и/или конкретного договора, являются основанием для определения применимого права, частью решения по судебному делу, применяются при вынесении решений, если закон им противоречит.

Нормы международного права как рамки для законодательства и его применения. Суды последовательно исходят из того, что, несмотря на широкие пределы усмотрения федерального законодателя при установлении правовых режимов, они не безграничны.

---

⁶ См., напр.: *Игнатенко Г. В., Марочкин С. Ю.* Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 4. С. 26–31.

⁷ См., напр.: *Зимненко Б. Л.* О применении норм международного права судами общей юрисдикции. Справочное пособие. М., 2005.

Так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положений УК РФ и УПК РФ заметил: «В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей... законодатель... обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями». И далее: «Такой вывод согласуется с положениями Всеобщей декларации прав человека...».⁸ В Постановлении от 17 января 2008 г. № 1-П по делу о конституционности положений Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁹ и АПК РФ Суд подчеркнул, что федеральный законодатель должен исходить «из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств» России.¹⁰

Международные нормы не только определяют содержание актов законодательства, но и регулируют их применение. Обращение к ним стало привычным и даже типичным для правовой аргументации в мотивировочной части решений судов всех ветвей судебной власти.

Применительно к системе судов общей юрисдикции такой подход обосновал Верховный Суд РФ, отметив: «Учитывая изложенное выше о месте и роли международно-правовых актов в правовой системе Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что включив эти акты в свою правовую систему, Российская Федерация тем самым наделила содержащиеся в них нормы способностью регулировать применение положений внутреннего законодательства».¹¹

Пленум Верховного Суда РФ, давая руководящие разъяснения по конкретным категориям дел, отводит международным обязательствам даже роль непосредственного руководства в тех или иных судебных действиях. В Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях»¹² Пленум предписал: «С учетом того, что в силу положений пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый задержанный или заключенный под стражу имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда, председателям судов следует уделять особое внимание вопросу усиления контроля за движением уголовных дел». А в Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ»¹³ судам разъяснено, что «на основании п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁴ и п. 1 ст. 6 ЕКПЧ¹⁵...

⁸ СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2058.

⁹ СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

¹⁰ СЗ РФ. 2008. № 4. Ст. 300.

¹¹ *Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2008 г.* (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2008 г. в ред. от 5 декабря 2008 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11. С. 25.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 10.

¹³ Там же. 2009. № 4. С. 6.

¹⁴ Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. (*Международное право в документах* / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 117–134).

¹⁵ *Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод* (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163 (далее — ЕКПЧ; Конвенция).

а также по смыслу ч. 1 ст. 63 УПК РФ судья не может участвовать в повторном рассмотрении жалобы».

Объект и цели договора. Нормы международного права должны толковаться и применяться в соответствии с целями и принципами международного права и конкретного договора, с установленными в нем временными, пространственными и субъектными пределами действия, в контексте значения используемых в нем терминов, а не с точки зрения соответствующих ориентиров внутреннего права.

На это нацеливают международные договоры, и прежде всего базовый документ международного договорного права — Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., содержащая целый ряд положений, направленных на обеспечение единообразного толкования и применения договоров государствами-участниками.¹⁶ На такой подход ориентируют высшие судебные инстанции.¹⁷ Из этого исходит и судебная практика.

Вполне привычный, если не типичный пример — постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 3587/07 в деле по заявлению ЗАО «Группа Альмера» о признании недействительным решения налоговой инспекции о привлечении ЗАО к ответственности.¹⁸ Суд первой инстанции удовлетворил требование общества, исходя из того, что оно выполнило условия Налогового кодекса РФ и Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 15 сентября 2004 г. «О принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг».¹⁹ Федеральный арбитражный суд Московского округа своим постановлением отменил это решение. Рассматривая дело в порядке надзора, Президиум ВАС РФ счел, что это постановление подлежит отмене, а решение суда первой инстанции — оставлению без изменения. Он отметил, в частности, что суд Московского округа не применил нормы права, содержащиеся в упомянутом Соглашении. Определяя его применимость в данном деле и соотносимость с законодательством, Президиум подчеркнул: «Согласно пункту 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».

Нормы международных договоров при определении применимого права. Конституционный принцип, касающийся международной составляющей правовой системы страны, весьма широко толкуется практикой. Нормы международного права и договоры используются не только для

---

¹⁶ В равной мере, говоря о взаимодействии национальных правовых систем и применении норм иностранного права в другой системе, вовсе не имеют в виду, что они включаются в национальное право или превращаются в его нормы. Им просто придается юридическое значение в иной системе, рассматриваются и применяются эти нормы именно как иностранные (Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 10, 61).

¹⁷ Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 4 Постановления от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 8) и Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 уже упоминавшегося Постановления от 10 октября 2003 г. № 5.

¹⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 4. С. 111–116.

¹⁹ СЗ РФ. 2005. № 5. Ст. 323.

развития и корректировки законодательства — наиболее ярко их роль проявляется на правоприменительной стадии. В условиях сосуществования в правовой системе страны норм национального и международного права последние нередко служат основанием для конкретных правоприменительных действий, выбора применимого права, вынесения решения по делу. Как отметил Верховный Суд РФ, «решение вопроса... должно осуществляться с учетом не только норм национального законодательства, действующего в этой сфере, но и актов международного права, участием которых является Российская Федерация».²⁰

Конституция РФ упоминает только об одном случае применения международных договоров: о приоритете их применения в случае коллизии с законами (ч. 4 ст. 15). Кодексы и иное действующее федеральное законодательство, как правило, воспроизводят данный принцип. Однако действительность намного разнообразнее. Практика, прежде всего судебная, значительно развила конституционное положение, обосновав и «отработав» различные варианты взаимодействия международных и национальных норм, совместного или индивидуального их применения.

Так, давая разъяснения по вопросам авторского права, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах»²¹ особо обозначил ситуацию, когда «ряд положений, содержащихся в международных договорах, не закреплен в российском законодательстве». К сведению судов приведен полный перечень соответствующих международных договоров с участием России. Указано, что при разбирательстве дел «судам необходимо учитывать международные принципы охраны прав авторов и смежных прав, которые закреплены, в частности, в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, а также в Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций». Дан ряд рекомендаций по отдельным конкретным вопросам применения конвенций.

Вынесение решений без учета международных договоров нередко приводит к их отмене. Показательна в этом отношении практика пересмотра в порядке надзора Высшим Арбитражным Судом РФ решений нижестоящих судов. Например, при рассмотрении заявления ЗАО «Дж. Т. И. по маркетингу и продажам» Президиум ВАС отметил, что предыдущие судебные инстанции ошибочно не применили Соглашение от 29 мая 1996 г. между РФ и ФРГ «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество»,²² подлежащее применению в данном деле. Следовательно, судебные акты приняты без достаточного исследования доказательств, касающихся применения к данным правоотношениям Соглашения, и подлежат частичной отмене как нарушающие единообразие в толковании и применении судами норм материального права.²³

²⁰ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2008 г. С. 25.

²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8. С. 12–13.

²² СЗ РФ. 1998. № 8. Ст. 913.

²³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 14163/05 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 8. С. 90–95. — Другой пример: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 апреля 2007 г. № 14974/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 7. С. 219–223; см. также Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 декабря 2003 г.

Отказ от применения договоров. Существование в Конституции и законодательстве РФ рассматриваемой нормы отнюдь не означает, что международные договоры должны и даже могут применяться во всех случаях. Соответственно, не всегда возникает и вопрос о приоритете их применения. Заметным шагом в развитии конституционного принципа является утверждение практики возможного отказа от применения договоров.

В деле по заявлению налоговой инспекции, в котором она просила пересмотреть в порядке надзора судебные акты, отменившие ее решение о доначислении налога и привлечении к налоговой ответственности турецкой компании, Президиум ВАС РФ анализировал, в частности, правомерность применения нижестоящими судами Соглашения между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики от 15 декабря 1997 г. «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы». ²⁴ Президиум отменил акты первой, апелляционной и кассационной инстанций, которые, по его мнению, ошибочно опирались на Соглашение, не подлежащее применению в данной ситуации: содержащиеся в нем термины предназначены исключительно для целей Соглашения, а не для общеупотребительного толкования. ²⁵

Разновидностью отмеченной практики неприменения договора являются ситуации, в которых действует правило, условно говоря, «обратного приоритета», или «обратной отсылки»: если международный договор не регулирует необходимые вопросы, применению подлежит национальное законодательство. Это правило было сформулировано, в частности, в информационном письме Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц». ²⁶

Так, в деле по иску ЗАО «Иста-Центр» к ОАО «Автоваз» о взыскании долга и процентов за пользование чужими денежными средствами Президиум ВАС РФ нашел, что, поскольку стороны находятся в разных государствах — России и Украине — и договором поставки между ними не определено применимое право, их отношения регулируются Конвенцией ООН о договорах примемимого право, их отношения регулируются Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.). ²⁷ Вопросы начисления процентов при просрочке оплаты товара Конвенцией не затронуты и поэтому должны быть разрешены по нормам национального права, определяемого на основании коллизионных норм. Президиум прибег для этого (напомним: в отсутствие указаний в договоре поставки) к помощи Соглашения стран СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. ²⁸ Сложилась довольно сложная цепочка: международный договор (Конвенция, неприменимая в конкретных вопросах) — национальное законодательство —

№ 7038/03; от 20 января 2004 г. № 13111/03; от 22 февраля 2005 г. № 14548/04 (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 6. С. 17–22; 2004. № 6. С. 80–82; 2005. № 6. С. 95–100).

²⁴ СЗ РФ. 2000. № 6. Ст. 614.

²⁵ *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 ноября 2007 г. № 8585/07 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 2. С. 138–141.

²⁶ *Информационные письма* Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ: систематизированный сб.: В 2 ч. Ч. II // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. Спец. прилож. к № 11, ноябрь 2003 г. С. 177.

²⁷ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 1. С. 64–88.

²⁸ *Соглашение* о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.) // Закон. 1993. № 1.

международный договор (Соглашение СНГ для определения применимого права) — национальное законодательство одной из сторон, применимое в данном деле. В результате Президиум ВАС РФ установил, что нижестоящие суды не применили надлежащую норму, нарушив единообразие в толковании и применении права, что является основанием для отмены их актов в части отказа во взыскании процентов.²⁹

Распространенное основание для отказа от применения договоров, предусмотренное в международном и национальном праве, — противоречие публичному порядку страны.³⁰ Суды порой неадекватно воспринимают данный термин, результатом чего становятся неправомерный отказ от применения договора и необоснованное решение. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обратила на это внимание судов, в частности, опубликовав свое Определение от 19 августа 2008 г. № 91-Г08-6 по ходатайству Е. о принудительном исполнении на территории России решения суда Украины о взыскании с С. алиментов на дочь.³¹ Псковский областной суд в удовлетворении ходатайства отказал, мотивируя это тем, что исполнение решения иностранного суда будет противоречить публичному порядку России. Судебная коллегия нашла, что отказ основан на ошибочном толковании областным судом понятия «публичный порядок», раскрыла содержание данного понятия, отметив, что при разрешении ходатайства должны были учитываться нормы ст. 32, 51, 53–55 Конвенции СНГ о правовой помощи 1993 г.,³² чего областной суд не сделал.

Дела, связанные с отказом от применения договоров, помогают детальнее понять содержание рассматриваемого конституционного и законодательного принципа: договоры не всегда могут и должны быть применены, т. е. они не имеют автоматического приоритета.

Нормы международного права как непосредственное основание и как часть решения по делу. Судя по приведенным и иным судебным актам, применение международного права понимается в судебной деятельности, как, впрочем, и в доктрине, весьма широко. Обращение к нему стало привычным делом в судах всех видов и инстанций в целях правовой аргументации, выработки правовых позиций, определения применимого права, обоснования и формулирования решения по делу. При этом, как правило, говорят о его применении, хотя «присутствует» оно в мотивировочной, а не в резолютивной части решения.

Особый случай — когда международный договор является прямым и единственным материально-правовым основанием решения по делу. Показательны постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросу о признании и приведении в исполнение решений Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма и Лондонского международного третейского суда.³³ Президиум построил правовую аргументацию и обосновал свои решения исключительно с помощью положений Конвенции

²⁹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 г. № 2550/05 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 12. С. 44–47.

³⁰ Перечень ряда договоров, в которых предусмотрена такая возможность в пользу национального права, см.: Бахин С. В. Международная составляющая правовой системы России. С. 132 (сноска 13).

³¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 5. С. 2–3.

³² Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

³³ Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 февраля 2005 г. № 14548/04 (официально не опубликовано; доступно в СПС «КонсультантПлюс»);

ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.).³⁴

Достаточно редко встречаются случаи, когда нормы международного права выступают элементом резолютивной части решения и можно говорить об их применении в более узком смысле слова.

Определения и постановления Конституционного Суда РФ чаще всего прямо или косвенно обращены к законодателю, и в отдельных случаях говорят о необходимости соответствия законодательства не только Конституции РФ, но и международно-правовым обязательствам. Так, в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ряда положений ГПК РФ³⁵ Суд записал в резолютивной части: «С федерального законодателя не снимается обязанность — исходя из требований Конституции РФ и с учетом настоящего постановления — в разумные сроки... привести правовое регулирование надзорного производства в соответствие с признаваемыми Российской Федерацией международно-правовыми стандартами».³⁶

В другом деле³⁷ Суд в постановляющей части уже в четкой форме правоприменительного решения предписал: признать ст. 405 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 15 (ч. 4), 17 (ч. 1) и другим «во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 к ней (в редакции Протокола № 11)».

Встречаются в постановляющей части судебных решений указания непосредственно правоприменительной практике, опирающиеся на международное право. Так, в Определении от 1 марта 2007 г. № 333-О-П по жалобе гражданина США С. на нарушение частью 3 ст. 1 и частью 1 ст. 466 УПК РФ его конституционных прав Конституционный Суд РФ записал, что ч. 1 ст. 466 УПК РФ «не предполагает — во взаимосвязи с положениями Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. — возможность задержания лица на основании ходатайства иностранного государства на срок свыше 48 часов без судебного решения».³⁸ Выявленный в Определении конституционно-правовой смысл статьи является общеобязательным и исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.³⁹

Приоритет применения международных договоров. Наиболее радикальное положение конституционного принципа о международной составляющей правовой системы России предписывает применение международных договоров, если они устанавливают иные правила, нежели законы. При рассмотрении конкретных дел это положение может затрагивать

от 20 января 2009 г. № 10718/08; от 20 января 2009 г. № 10613/08 (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 5. С. 287–296).

³⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1993. № 8.

³⁵ СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

³⁶ Аналогичное предписание Конституционный Суд РФ вынес в Определении от 3 июля 2008 г. № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 5. Ст. 678).

³⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

³⁸ СЗ РФ. 2007. № 28. Ст. 3478.

³⁹ Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении от 27 ноября 2007 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ заключил: «Дело подлежит направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о соответствии решения инспекции... законодательству о налогах и сборах без учета Соглашения».

определение конституционности законов, подведомственности дел, применимого права.

В деле о проверке конституционности положений УПК РСФСР Конституционный Суд РФ указал, что п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) закрепляет более широкие возможности для исправления судебных ошибок, чем уголовно-процессуальное законодательство России. «В силу статьи 15 (часть 4) Конституции РФ данная международно-правовая норма, являясь составной частью правовой системы России, имеет приоритет перед внутренним законодательством». На основе этой позиции Суд признал неконституционным п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР, сделал предписания судебной власти пересмотреть судебные дела заявителей, законодателю при принятии нового уголовно-процессуального законодательства исходить из недопустимости снижения уровня гарантий прав граждан.⁴⁰ Данная правовая позиция воспроизводилась Судом и позднее.⁴¹

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в информационном письме нижестоящим судам⁴² сформулировал достаточно жесткое правило: арбитражный суд принимает к рассмотрению иск с участием иностранного лица в случае наличия норм о подведомственности ему таких споров в международном договоре РФ. Анализируя при этом конкретное дело, Президиум заключил, что нормы АПК РФ об определении компетенции арбитражных судов РФ по делам с участием иностранных лиц не совпадают с нормами Женевской конвенции о договоре международной перевозки грузов от 19 мая 1956 г.,⁴³ и поэтому на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ применяются правила международного договора.

К конституционному правилу о приоритете применения международных договоров регулярно прибегают все виды судов.⁴⁴

Отражение в практике общепризнанных принципов и норм международного права. Рассматриваемый конституционный принцип касается не только договоров, но и общепризнанных принципов и норм международного права. Восприятие судебной практикой договоров представляется более доступным, поскольку они обладают определенным сходством с внутренними законодательными актами: их отличают конкретное название, четкая форма, точность и определенность правил. Совершенно иначе

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

⁴¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 290-О // СЗ РФ. 2003. № 42. Ст. 4106.

⁴² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2001 г. № 58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов» // Хозяйство и право. 2001. № 4. С. 105–106. — Другой пример: Там же. С. 98–99.

⁴³ Международные перевозки грузов. СПб., 1993.

⁴⁴ См. напр.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 5. С. 9–10; Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5. С. 31–33; Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367; Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2004 г. № 3253/04 (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 10. С. 67–69); от 24 января 2006 г. № 10441/05 (официально не опубликовано; доступно в СПС «КонсультантПлюс»); Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 декабря 2004 г. № А42-4747/04-13 // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 4. С. 134–136.

обстоит дело с общепризнанными принципами и нормами, не обладающими такими чертами (если только они не зафиксированы в каком-либо международном документе). Вполне можно было бы предполагать, что субъекты права с опаской и редко будут обращаться к ним.

Однако практика свидетельствует о достаточно смелом и регулярном их использовании для правовой аргументации различными органами государственной власти, а также физическими и юридическими лицами. Так, в приведенном выше Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. заявители — граждане, Кабинет Министров Республики Татарстан, ОАО «Нижнекамскнефтехим» и ОАО «Хакасэнерго» — в обоснование неконституционности положений ГПК РФ ссылались на «общепризнанные принципы и нормы международного права о справедливом правосудии».

Суды также периодически опираются на общепризнанные принципы и нормы для обоснования своей позиции и решений. Следует, правда, уточнить: как правило, на те принципы и нормы, что существуют в письменной форме, содержатся в договорах или иных международных актах. Например, в Постановлении от 1 августа 2007 г. № 13-ПВ06 о пересмотре в порядке надзора решения мирового судьи о взыскании суммы с Генерального консульства Украины в Санкт-Петербурге в пользу П.⁴⁵ Президентом Верховного Суда РФ со ссылкой на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ анализировал общепризнанные принципы консульского иммунитета в Венской конвенции о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 г.).⁴⁶

Этот и другие примеры,⁴⁷ очевидно, могут служить ответом на встречающиеся в литературе высказывания о малоприспособности общепризнанных принципов и норм для практического применения ввиду обобщенности и абстрактности. Возможно, в этом даже следует видеть их преимущество и особую роль. Они образуют основу, «дух» международного права, и опора судов не только на конкретные, а потому нередко узкие рамки норм позитивного права, но и на принципиальные, базовые положения способствует большей взвешенности и обоснованности решений, обеспечению верховенства права.

И напротив, использование общепризнанных норм для обоснования сомнительных и сугубо позитивистских судебных постановлений значительно снижает авторитет суда. Так, в явно политизированном Постановлении от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан»⁴⁸ Конституционный Суд РФ оправдал изменения в данный закон, которыми выборы высших должностных лиц субъектов РФ были заменены фактически на их назначение Президентом РФ. Изменения оспаривались рядом граждан как нарушающие их конституционные права. Суд использовал, как представляется, чисто казуистическую аргументацию. Прибегнув к помощи международных актов, в частности Всеобщей

⁴⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. С. 13–14.

⁴⁶ Сборник международных договоров. Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147.

⁴⁷ См., напр.: *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2008 г. № 80-В07-21* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 1. С. 11–13; *Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О* // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533; *Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П* // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194; и др.

⁴⁸ СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

декларации прав человека 1948 г.,⁴⁹ он счел достаточно убедительным утверждение, что Декларация «не конкретизирует, однако, какие именно органы публичной власти и какого уровня подлежат формированию исключительно путем проведения таких выборов, а равно не обязывает государства-участники к организации только прямых выборов в органы публичной власти». Очевидно, что Декларация по определению не может «конкретизировать» это. Попытка обосновать желаемое решение тем, что общие принципы не дают решения конкретного частного вопроса — фактически подмена правовой аргументации политической целесообразностью.

Где суды «черпают» и как определяют общепризнанный характер принципов и норм. Данный вопрос — центральный и наиболее сложный. Как известно, ни в международном, ни в российском праве нет сколь-нибудь полного перечня рассматриваемой категории норм или их источников, равно как и их критериев.

Попытки ответить на этот вопрос периодически предпринимались высшими судебными инстанциями. Пленум Верховного Суда РФ принял два постановления: от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁵⁰ и упомянутое выше Постановление от 10 октября 2003 г. № 5. Тем не менее они не дают точных ориентиров. Высший Арбитражный Суд РФ направил нижестоящим судам информационное письмо от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-13-41 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие».⁵¹ Конкретный и относительно полный перечень документов, но лишь по одной категории дел, дал Верховный Суд РФ. В «Обзоре нормативных актов и судебной практики, касающихся обеспечения прав человека на свободу и личную неприкосновенность»⁵² он перечислил документы, содержащие общепризнанные принципы и нормы, и международные договоры РФ, связанные с обеспечением данных прав.

Иногда в судебных актах встречаются ссылки на отдельные конкретные принципы и нормы: запрет дискриминации в области образования, равенство перед законом и судом, состязательность и равноправие сторон в судебном разбирательстве, право на судебную защиту, принцип защиты инвестора от изменения законодательства принимающей стороны, открытость и публичность правосудия, свобода труда, включая право на труд, и др.⁵³

Вполне очевидно, что отмеченные выше попытки определения содержания и перечня общепризнанных принципов и норм не являются исчерпывающими. Вследствие этого неизбежны элементы случайности, приблизительности и неаргументированности в применении их судами.

⁴⁹ Российская газета. 1995. 5 апр.

⁵⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

⁵¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 2.

⁵² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 5. С. 37.

⁵³ См., напр.: Определения Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 297-О (СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 893); от 6 декабря 2001 г. № 310-О (СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1496); решения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2003 г. № ГКПИ03-1072; от 2 ноября 2004 г. № ГКПИ04-1313 (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9. С. 1–2; 2005. № 8. С. 16–18); Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2001 г. № 58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов» // Хозяйство и право. 2001. № 4. С. 96.

Почти всегда суды «автоматически» приводят те или иные договоры в качестве общепризнанных без какой-либо аргументации, возможно, в силу их известности (чаще всего это касается Международных пактов о правах человека).⁵⁴ В этом же ряду и регулярные ссылки, например Конституционного Суда РФ, на ЕКПЧ.⁵⁵ Последняя является региональным (европейским) договором, и здесь особенно необходима аргументация отнесения ее норм к общепризнанным.

Более того, в приводимый перечень суды часто включают и акты рекомендательного характера, что вдвойне нуждается в доказательствах: во-первых, необходимо доказать, что они содержат нормы права, и, во-вторых, — что эти нормы являются общепризнанными. Самый частый случай — Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в решениях Конституционного Суда РФ.⁵⁶ Возможно, самому Суду очевидно, что положения Декларации, несмотря на ее рекомендательный характер, признаны в качестве норм международного обычного права. Но строгость правовой аргументации требует пояснений и обоснования использования документа в таком качестве для всех пользователей решений Суда, включая не только заявителей, но и все виды судов, другие органы государственной власти, юристов.

Среди рекомендательных актов Всеобщая декларация прав человека — самый известный и авторитетный документ и, возможно, вызывает меньше всего вопросов относительно ее общепризнанности. Но в качестве общепризнанных встречаются ссылки (всякий раз без каких-либо доказательств), например, на Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.),⁵⁷ на Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы № R(85)11 от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»⁵⁸ и др.⁵⁹

Особый случай — Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2003 г. № 56-Впр 03-2 по протесту заместителя Генерального прокурора РФ на судебные решения по иску Л. к ООО «Интеррыбфлот» о взыскании заработной платы.⁶⁰ Анализируя нормативную основу по делу и определяя применимое право, Коллегия

⁵⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (приняты Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.) (*Международное право* в документах. М., 2004. С. 107–134).

⁵⁵ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; от 11 мая 2005 г. № 5-П // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194; от 17 ноября 2005 г. № 11-П // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 5123; от 28 июня 2007 г. № 8-П // СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3346; от 17 января 2008 г. № 1-П // СЗ РФ. 2008. № 4. Ст. 300; от 27 февраля 2009 г. № 4-П // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367; *Определение* Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533; и др.

⁵⁶ См., напр., упомянутые в предыдущей сноске постановления от 11 мая 2005 г., от 17 ноября 2005 г., от 28 июня 2007 г., от 17 января 2008 г.; определение от 4 декабря 2007 г., а также: *Определение* Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2195.

⁵⁷ Официально не опубликована; доступна в СПС «Консультант Плюс».

⁵⁸ *Сборник* документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

⁵⁹ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П (СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026); от 11 мая 2005 г. № 5-П (СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194) и др.

⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1. С. 3–5.

процитировала ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в части, касающейся общепризнанных принципов и норм, и сослалась на Минимальные социальные гарантии для моряков (рыбаков) (установлены Морским паритетным Комитетом на 28-1 сессии МОТ в 1996 г.).⁶¹ И, видимо, как аргумент для их применения отметила: «Положение Рекомендации МОТ подписано Госкомитетом РФ по рыболовству по поручению Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров».

Порой суды вообще не утруждают себя необходимостью привести конкретные нормы или акты, давая лишь «абстрактную» ссылку. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2008 г. № 80-В07-21⁶² приведены конституционные положения по рассматриваемому вопросу (социальное обеспечение) и дана безадресная ссылка на «общепризнанные принципы и международные нормы» (так в тексте). В особом мнении судьи к Постановлению Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П⁶³ также читаем: «Общепризнанные принципы и нормы международного права (какие? — С. М.) признают достоинство личности как основу свободы...» — но ни содержание, ни источники таких норм не указаны.

Все сказанное позволяет еще раз подчеркнуть не раз отмечавшуюся в литературе потребность в перечне общепризнанных принципов и норм, существующих в форме обычая, и актов, содержащих такие принципы и нормы, для судов всех видов и уровней, иных правоприменительных органов. Одной из возможных форм могло бы стать опубликование систематизированного собрания правовых позиций Конституционного Суда РФ, в которых отражены данные принципы и нормы. Такое предложение было сформулировано в Рекомендациях Всероссийского совещания по применению общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (Москва, 24 декабря 2002 г.).⁶⁴

Общепризнанные принципы и нормы или/и законодательство? Принятая редакция ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ее буквальное толкование не дают оснований говорить о приоритете применения рассматриваемых принципов и норм, во всяком случае существующих в обычной форме, перед законами.⁶⁵ Более того, их роль в правоприменении и юридическая сила в соотношении с внутренним правом в Конституции вовсе не определены.

Такая неопределенность формулировки вызвала к жизни различные теоретические подходы, в том числе предполагающие первенство применения общепризнанных принципов (и императивных норм) перед Конституцией, позитивным правом (международным и внутренним), судебными прецедентами.⁶⁶ Неопределенность породила также противоречивую и неустоявшуюся практику в освоении данного конституционного положения. При его достаточно вольном толковании, а по сути переформулировании, общепризнанные принципы и нормы становятся как бы непосредственным

⁶¹ Официально не опубликованы; доступны в СПС «Консультант Плюс».

⁶² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 1. С. 11–13.

⁶³ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.

⁶⁴ Российская юстиция. 2003. № 3. С. 6–8.

⁶⁵ См. подробнее: *Марочкин С. Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998; 2005. С. 50–54.

⁶⁶ См., напр.: *Нешатаева Т. Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 3. С. 138; *Бахин С. В.* Международная составляющая правовой системы России. С. 119–120.

и единственным основанием установления прав человека в России. В приводимом уже Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2008 г. утверждается, что, исходя из положений ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18 Конституции РФ, «права и свободы человека в силу общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции РФ»,⁶⁷ — а не «согласно общепризнанным принципам и нормам... и в соответствии с Конституцией», как сказано в ст. 17 Конституции РФ.

Порой суды вовсе не задаются вопросами иерархии и приоритета. В Конституционном Суде РФ, к примеру, сложилась формула «корреспондирующих (соотносимых) положений», когда устанавливается соответствие законодательства и общепризнанных норм, и те и другие «участвуют» в формулировании позиции и итогового решения.⁶⁸

Все же суды пошли и дальше — в направлении развития конституционного положения и, возможно, становления тенденции признания и установления через практику приоритета применения общепризнанных принципов и норм перед законодательством.

Верховный Суд РФ сделал это в уже цитировавшемся Определении Судебной коллегии по гражданским делам по иску Л. к ООО «Интеррыбфлот» о взыскании заработной платы. Сославшись на положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ об общепризнанных принципах и нормах и приведя в таком качестве (что весьма спорно) Минимальные социальные гарантии для моряков (рыбаков), принятые на сессии МОТ, Коллегия сделала заключение: «Довод протеста о том, что в силу ст. 57 Кодекса торгового мореплавания РФ условия труда и оплаты труда определяются законодательством РФ о труде, настоящим Кодексом, уставами службы на судах и уставами о дисциплине, генеральными и отраслевыми тарифными соглашениями, коллективными договорами и трудовыми договорами, а не международными нормами, правильным быть признан не может». Иными словами, приоритет однозначно отдан, по убеждению Коллегии, общепризнанным принципам и нормам международного права.

Весьма однозначную и категоричную позицию встречаем в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П:⁶⁹ «Право человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению... вытекает из Конституции РФ, ее статей 21, 22, 28 и 29, гарантирующих охрану достоинства личности... и соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права, которые в силу статьи 15 (часть 4) Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют приоритет перед внутренним законодательством» (курсив мой. — С. М.).

Как видим, Конституционный Суд приписал Конституции то, чего в ней фактически нет, интерпретировал и развил (возможно, сознательно) ее положение путем не только буквального, но и систематического толкования.

⁶⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11. С. 24.

⁶⁸ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П (СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026); от 11 мая 2005 г. № 5-П (СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194); от 17 января 2008 г. № 1-П (СЗ РФ. 2008. № 4. Ст. 300) и др.; Определение от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О (СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533).

⁶⁹ СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3346. — См. также: *Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 144-О-П // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. II). Ст. 2267.*

Рекомендательные акты и решения международных органов, акты международных конференций. Как известно, Конституция РФ ограничивает международную составляющую правовой системы страны двумя «элементами» — общепризнанными принципами и нормами и международными договорами. Тем не менее все, что находится за рамками права, — рекомендации органов международных организаций, акты международных конференций, модельные акты («мягкое» право) — активно реализация конституционного принципа проходила период становления, появление в судебных решениях, наряду с договорами, неправовых международных норм вызывало недоуменные вопросы: якобы суды, прежде всего Конституционный Суд РФ, вразрез с Конституцией «объявляют» юридическими правилами рекомендательного характера.

В самом деле, порой встречаются курьезы, когда суды «включают» в международное право рекомендательные акты (порой даже называя их международным законодательством!): Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев 1979 г.,⁷⁰ Декларацию о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновления на национальном и международном уровнях (принята 3 декабря 1986 г. Резолюцией 41/95 Генассамблеи ООН),⁷¹ Хартию социальных прав и гарантий граждан независимых государств (одобрена в г. Санкт-Петербурге 29 октября 1994 г. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ),⁷² Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и др.⁷³

Однако в целом, как показывает развитие практики, суды рассматривали и рассматривают такие нормы и акты именно как рекомендательные. При этом обращение к международным рекомендательным актам не сокращается, напротив, оно стало повседневной и устоявшейся практикой во всех видах судов. Строго говоря, суды не применяют их, а используют для уточнения («сверки») используемых понятий, формулирования и обоснования позиции суда, подтверждения или усиления правовой аргументации. И поднимаемые порой в литературе вопросы о том, каков порядок их применения, являются ли они самоисполнимыми, вряд ли имеют смысл.

Вовлечение в судебную деятельность огромного пласта международных рекомендательных норм — солидный шаг в практическом развитии

⁷⁰ *Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев* (согласно Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года, касающихся статуса беженцев). Смоленск, 2005.

⁷¹ *Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на сорок первой сессии. 16 сентября — 19 декабря 1986 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Сорок первая сессия. Дополнение № 53 (A/41/53) / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1987. С. 328–330* (см. также: <http://www.un.org/russian/document/declarat/childpri.htm>).

⁷² Официально не опубликовано; доступно в СПС «КонсультантПлюс».

⁷³ См. напр.: *Обобщение судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением законодательства о беженцах и вынужденных переселенцах* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 21; Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 января 1999 г.; от 28 апреля 2000 г. № 50-Г00-5 (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7. С. 2–3; 2001. № 1. С. 5–6); Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П (СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1209); Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 113-О (СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2971).

конституционного принципа о международной составляющей правовой системы России.

Рекомендательные акты. В рамках руководящих разъяснений нижестоящим судам Верховный Суд РФ дает и толкование международных рекомендаций. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»⁷⁴ обращает внимание судов на положения Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, в отношении общественной политической дискуссии и критики в СМИ (п. 9). Позднее Верховный Суд опубликовал Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта,⁷⁵ где отметил, что суды руководствовались не только законодательством, но и международными нормами, в частности названной Декларацией, а также Резолюцией 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни, и дал толкование некоторых положений последней.

Спектр используемых международных рекомендательных актов очень широк (что еще раз свидетельствует о частоте обращения к ним судов): Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 40/144 от 13 декабря 1985 г.), Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.), Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R(85)11 о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса (принята 28 июня 1985 г.), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г.), Рекомендация № Rec (2003) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам об исполнении административных решений и судебных решений в области административного права (принята 9 сентября 2003 г.), Резолюция № 3 XXIV Конференции европейских министров юстиции «Общие подходы и средства достижения эффективного исполнения судебных решений» (Москва, 5 октября 2001 г.), Рекомендация ПАСЕ 1687 (2004) от 23 ноября 2004 г. «Борьба с терроризмом средствами культуры», Рекомендация ПАСЕ 1704 (2005) от 29 апреля 2005 г. «Референдумы: на пути к выработке передовой практики в Европе», Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 60/288 от 8 сентября 2006 г.), Бангалорские принципы поведения судей (Приложение к Резолюции ЭКОСОС ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.), Основные принципы независимости судебных органов (утв. резолюциями Генассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.), Рекомендация ПАСЕ 818 (1977) от 8 октября 1977 г. «О положении психически больных», Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (утв. Резолюцией Генассамблеи ООН 41/85 от 3 декабря 1986 г.) и др.⁷⁶

⁷⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. С. 6.

⁷⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12. С. 27–30.

⁷⁶ См.: Постановления Конституционного Суда РФ: от 8 декабря 2003 г. № 18-П; от 26 декабря 2003 г. № 20-П; от 11 мая 2005 г. № 5-П; от 14 июля 2005 г. № 8-П; от 21 марта

Для усиления аргументации суды порой прибегают к «общепринятой международной практике», используя рекомендательные акты международных организаций, в которых Россия не участвует. Так, еще в 1998 г. Конституционный Суд РФ в деле о проверке конституционности положений Основ законодательства РФ о нотариате отметил, что предусмотренные в них способы контроля нотариальных палат за деятельностью нотариусов согласуются с резолюцией Европейского парламента от 18 января 1994 г.⁷⁷ В другом деле Суд ссылаясь на Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе 1988 г.⁷⁸

Особый и редкий случай — приведение решений международных органов лишь как информации для сведения, что, впрочем, вполне может повлиять на развитие практики. В таком качестве опубликовано Решение Комитета по правам человека ООН 1310/2004 о нарушении Россией требований п. 1 и 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах в судебных решениях по обвинению Б.⁷⁹

Международные модельные нормы. Особая разновидность правил и норм, к которым прибегают суды для усиления аргументации при обосновании решения по делу, — положения проектов нормативных актов, принимаемых органами союзов, содружеств, союзных государств в качестве образцов (моделей) законодательных актов государств-участников (модельные нормы). Они отражают совпадающие или сходные позиции данных государств, содержат выработанные формулировки и могут быть этапом в появлении будущих правовых норм (правом в процессе становления), и в этом смысле — частью аргументации по делу.

В деле⁸⁰ о нарушении конституционных прав и свобод положениями Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле»⁸¹ Конституционный Суд РФ соотнес требования в отношении товаров, перемещаемых через границу, с Основами таможенных законодательств государств — участников СНГ (приняты Решением Совета глав государств СНГ от 10 февраля 1995 г.).⁸² Позднее к аналогичной аргументации прибег судья Верховного Суда РФ при рассмотрении надзорной жалобы М. о пересмотре судебных постановлений по его иску о признании недействительным решения таможенного органа об уплате таможенных

2007 г. № 3-П; от 28 июня 2007 г. № 8-П; от 28 февраля 2008 г. № 3-П; от 27 февраля 2009 г. № 4-П; от 17 марта 2009 г. № 5-П; от 24 марта 2009 г. № 6-П (СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; 2004. № 2. Ст. 160; 2005. № 22. Ст. 2194; № 30 (ч. II). Ст. 3199; 2007. № 14. Ст. 1741; № 27. Ст. 3346; 2008. № 10 (ч. II). Ст. 976; 2009. № 11. Ст. 1367; № 14. Ст. 1770; № 14. Ст. 1771); Определения Конституционного Суда РФ: от 23 июня 2000 г. № 147-О; от 5 ноября 2004 г. № 345-О; от 1 декабря 2005 г. № 462-О; от 11 июля 2006 г. № 300-О (СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3431; 2004. № 51. Ст. 5264; 2006. № 6. Ст. 733; № 47. Ст. 4940); Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: от 20 декабря 2005 г. № 88-Г05-19; от 26 февраля 2008 г. № 66-Г08-2; от 2 марта 2006 г. № ГКПИ06-54 (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 10. С. 1; 2008. № 8. С. 13; 2007. № 12. С. 6–8).

⁷⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2491.

⁷⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3433; см. также: Определение судьи Верховного Суда РФ от 25 октября 2005 г. № 33-В05-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 7. С. 6–7.

⁷⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2. С. 17–18.

⁸⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 1999 г. № 50-О // СЗ РФ. 1999. № 21. Ст. 2668.

⁸¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 45. Ст. 2542.

⁸² Бюллетень международных договоров. 1995. № 9.

платежей.⁸³ Более того, он отметил, что данное регулирование является общепринятым в международной практике, и сослался на Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур (г. Киото, 18 мая 1973 г.),⁸⁴ Таможенный кодекс Европейского Сообщества 1992 г.⁸⁵ Надо полагать, судья сделал такую ссылку с чисто сравнительно-правовой целью, поскольку Россия не участвует в названных документах.

Правоприменительные решения органов международных организаций. Суды нередко обращаются и к решениям органов международных организаций правоприменительного характера. Постановления Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ; Европейский Суд) имеют особый статус и роль, и им будет уделено отдельное внимание. Здесь же отметим случаи привлечения решений иных органов.

Порой встречаются ссылки на решения Еврокомиссии и Суда ЕС, в принципе не имеющие правового значения для России. Очевидно, что единственная роль таких примеров — отражение опыта разрешения сходных дел и, соответственно, усиление аргументации суда.

В одном из таких случаев Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассматривала кассационную жалобу общественной организации «Центр “Дианетика”» на решение Верховного Суда Республики Башкортостан о ликвидации данной организации как осуществляющей образовательную и медицинскую деятельность без лицензий в нарушение законодательства и нарушающей права и свободы человека.⁸⁶ Кроме подробной оценки законодательной основы, Коллегия в подтверждение своих выводов привела и соответствующие положения ЕКПЧ, а также решение ЕСПЧ по аналогичному вопросу. И, видимо, для подкрепления выводов, заметила: «Принятое судом решение о ликвидации Центра “Дианетика” Республики Башкортостан согласуется с практикой принятия решений в подобных случаях в Европейском Сообществе» — и сослалась на решение Европейской комиссии от 17 декабря 1968 г.

Отличительной чертой резолюций Совета Безопасности ООН является то, что они обращены не к конкретным лицам или организациям, а к государствам-членам. Поэтому, на первый взгляд, им не должно быть места в решениях внутригосударственных судов. Тем не менее такие резолюции периодически отражаются в судебной практике.

В одном из дел Конституционный Суд РФ оценивал конституционность положений законодательства, связанных с погребением лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта.⁸⁷ Он прибег не только к буквальному, формально-юридическому, но и к более широкому систематическому толкованию оспариваемых положений — с точки зрения целей внутренней и международной политики борьбы с терроризмом. Суд заметил, что «Совет Безопасности

⁸³ *Определение* Верховного Суда РФ от 25 октября 2005 г. № 33-В05-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 7. С. 6–7.

⁸⁴ Доступна по адресу: <http://www.wcoomd.org>.

⁸⁵ *Регламент* Совета (ЕЭС) 2913/92 от 12 октября 1992 г. «Об утверждении таможенного кодекса сообщества» // Прямое налогообложение Европейского Союза. Косвенное налогообложение Европейского Союза. Действующие нормативные акты ЕС — Регламенты, Директивы и Решения. Таллин, 2008.

⁸⁶ *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2004 г. № 49-Г04-48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11. С. 4–6.

⁸⁷ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П // СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3346.

ООН в Резолюции 1624 (2005), принятой 14 сентября 2005 г. на уровне глав государств и имеющей обязательную силу, подчеркивает значимость принятия на национальном и международном уровнях соответствующих мер для защиты права на жизнь».⁸⁸

Очевидно, что в этом и других случаях резолюции Совета Безопасности ООН, решения других международных органов служат судам для широкого обоснования подходов к итоговой оценке ситуации и собственному решению.

Иное значение имеют решения Экономического суда СНГ. Будучи обязательными для сторон конкретного спора, они, кроме того, обретают характер общего правила. В Постановлении от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам гражданского процесса»⁸⁹ (п. 15) Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ, в частности, обратил внимание судов на правило взыскания госпошлины при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами разных государств, сформулированное решением Экономического суда СНГ от 7 февраля 1996 г. № 10/95 С1/3-96.⁹⁰

Договоры без участия России. В материалах дел встречаются ссылки на международные договоры, в которых Россия не участвует. Если такие ссылки и могут быть оправданны, то непременно с оговоркой, что они не имеют для России обязательного характера и приводятся исключительно для обозначения сложившихся международных стандартов или подходов к рассматриваемому вопросу и как дополнительное средство аргументации. Без таких оговорок ссылки становятся не дополнительным, а основным и, возможно, определяющим средством для формулирования выводов и решения по делу.

Так, в отмеченном выше деле по Закону «О валютном регулировании и валютном контроле» Конституционный Суд РФ сослался на Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г. и на Таможенный кодекс Европейского Сообщества 1992 г. Данная ситуация, безусловно, отлична от той, когда на эти же акты впоследствии сослался судья Верховного суда РФ⁹¹ (возможно, в пример Конституционному Суду). Ведь сразу за этой ссылкой Конституционный Суд сделал однозначный вывод в отношении законодателя: «Таким образом, федеральным законом могут устанавливаться ограничения...». Аналогичный подход Конституционный Суд применил в деле по запросу Первомайского районного суда г. Пензы о проверке ст. 374 Трудового кодекса РФ,⁹² где он записал: «Обязанность государства... вытекает из...», приведя в одном ряду конвенции с участием и без участия России. Суд счел это правовым основанием для дальнейшего заключения о правомерности действий законодателя.⁹³

Не действующие в отношении России договоры могут приводиться в качестве примера зарубежной или мировой практики, но вряд ли

---

⁸⁸ Другой пример: *Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.*

⁸⁹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 8.

⁹⁰ Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1996. № 3.

⁹¹ См. выше, сноска 78.

⁹² *Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 421-О // СЗ РФ. 2004. № 5. Ст. 404.*

⁹³ Другой пример: *Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П // СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1209.*

являются правовой основой для рекомендаций и предписаний законодателя. Мировой опыт не может влиять на вывод Суда о том, конституционен или нет рассматриваемый закон.

Постановления Европейского суда по правам человека. Солидный массив международной составляющей правовой системы России, помимо ее нормативной части (общепризнанных принципов и норм и международных договоров), представляют постановления ЕСПЧ. Разумеется, о них нет упоминания в Конституции РФ, поскольку Россия вступила в Совет Европы и признала юрисдикцию Суда после принятия Конституции. Тем не менее за прошедший период данный массив ощутимо «вторгся» в правовую систему России, главным образом в ее практическую часть, что произошло прежде всего благодаря судам. В этом смысле суды вновь оказали большое влияние на развитие конституционного принципа о международной составляющей правовой системы страны.

Федеральный закон о ратификации ЕКПЧ⁹⁴ очертил конкретные пределы признаваемой юрисдикции Суда: она обязательна для России по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Россией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении России. Тем не менее, спустя почти десятилетие, Конституционный Суд РФ, толкуя данное положение закона, дал знаменательную оценку их роли в правовой системе России: «Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод... — являются составной частью российской правовой системы» (курсив мой. — С. М.).⁹⁵

Фактически круг используемых российскими судами постановлений ЕСПЧ оказался намного шире и во временном, и в субъектном аспектах, чем он очерчен Законом о ратификации ЕКПЧ. Как показала практика, суды не задавались вопросом, обязаны ли они (если формально-юридически толковать данный закон) учитывать и другие постановления ЕСПЧ, кроме обязательных для России. Перечень возникающих вопросов отнюдь не покрывается одними лишь постановлениями в отношении России, и вряд ли возможно осуществлять правосудие, принимая во внимание одни постановления и «закрывая глаза» на другие. Большая часть используемых и цитируемых судами постановлений ЕСПЧ касается как раз других стран.

Суды обращаются к решениям ЕСПЧ в различных случаях: при оценке конкретных понятий или ситуаций, при толковании ЕКПЧ, для учета правовых позиций ЕСПЧ и его прецедентной практики, как основание для пересмотра судебных актов.

Роль руководящих разъяснений высших судебных инстанций. Документы, принимаемые верхними звеньями судебной системы, дают ориентиры нижним судам с целью обеспечения единообразного применения права.

⁹⁴ Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

⁹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

После принятия закона, которым была ратифицирована Конвенция и признана обязательная юрисдикция ЕСПЧ, первым, по всей видимости, среагировал Высший Арбитражный Суд РФ. С целью обеспечения развития арбитражной практики в русле Конвенции ВАС разослал «своим» судам упоминавшееся уже информационное письмо «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие». Позднее, в Постановлении от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам»,⁹⁶ Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ определил круг лиц, которые могут обратиться с заявлением о пересмотре таких актов в связи с постановлением ЕСПЧ.

Центральный документ по рассматриваемым вопросам для судов общей юрисдикции — упоминавшееся Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров. Целый ряд пунктов оно посвящает ЕСПЧ и выполнению его решений и прямо предписывает: применение судами ЕСПЧ должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции (п. 10).

Правовые позиции и акты ЕСПЧ названы в числе обязательных для учета судами также в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»,⁹⁷ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», от 6 февраля 2007 г. № 6 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам»,⁹⁸ в Обзоре судебной практики рассмотрения судами дел о защите чести и достоинства⁹⁹ и др.

Конституционный Суд РФ, как самостоятельная независимая ветвь судебной системы, определяет формы обращения к позициям и актам ЕСПЧ в своих конкретных постановлениях и определениях (и, по всей видимости, является наиболее активным в этом отношении среди всех видов судов). В одном из дел он четко обозначил свое назначение и провел границы полномочий между собой и Европейским Судом. Граждане обратились с жалобами о проверке конституционности ряда положений ГПК РФ и Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»,¹⁰⁰ причем жалобы были поданы после того, как ЕСПЧ в деле «Штукатуров против России»¹⁰¹ констатировал нарушение в отношении одного из заявителей прав на свободу и личную неприкосновенность, справедливое судебное разбирательство, закрепленных в ЕСПЧ. Несмотря на окончательное постановление ЕСПЧ и его обязательную юрисдикцию, Конституционный Суд принял жалобы к производству, заявив, что оценка конституционности законодательных положений является его исключительной прерогативой. «Поскольку такая проверка не может быть осуществлена ни другими внутрисударственными судебными органами, ни каким-либо межгосударственным органом, включая Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд РФ

⁹⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 4.

⁹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

⁹⁸ Там же. 2007. № 5.

⁹⁹ См. сноску 75.

¹⁰⁰ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

¹⁰¹ Доступно по адресу: <http://www.echr.coe.int>.

признает жалобы заявителей, поданные выбранными ими представителями, допустимыми». ¹⁰² Следует заметить, что ЕСПЧ, со своей стороны, в делах по жалобам, в которых упоминается Конституционный Суд, не пытается вторгаться в сферу его полномочий. ¹⁰³

Постановления ЕСПЧ как пример оценки конкретных понятий или ситуаций. При рассмотрении дел суды порой оценивают те или иные понятия и ситуации с точки зрения права, приводя в качестве аргумента аналогичные оценки, данные ЕСПЧ. Так, в деле о ликвидации общественной организации «Центр “Дианетика”» было необходимо ответить на вопрос, является ли деятельность Центра образовательной, чтобы затем соотнести ее с требованиями законодательства. Рассматривая кассационную жалобу Центра на решение предыдущей судебной инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ заключила: «Представленное в судебном решении понимание образования соответствует правовой позиции Европейского суда по правам человека, согласно которой образование рассматривается как непрерывный процесс обучения. В подтверждение следует привести решение Суда по делу “Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства” (Eur. Court. H. R. Campbell and Cosans v. United Kingdom, Judgment of 25 February 1982. Series A. No. 48)». ¹⁰⁴

Использование постановлений ЕСПЧ при толковании судами ЕКПЧ. Часто суды рассматривают постановления ЕСПЧ как авторитетное толкование норм Конвенции и используют их при обосновании своих позиций и решений. Поскольку такое толкование обогащает содержание нормы, можно полагать, что соответствующие части постановлений имеют элементы нормотворчества.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к толкованию Европейским Судом п. 1 ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), обозначившему, что исполнение решения любого суда является неотъемлемой частью «суда», нарушение «права на суд» может иметь форму задержки исполнения решения (еще один элемент этой статьи — возможность предварительного участия административных органов в осуществлении юрисдикционной функции); статей 5 и 6 в вопросах о свободе и личной неприкосновенности душевнобольных и их праве на справедливое судебное разбирательство; статьи 1 Протокола 1 к Конвенции о понятии «свое имущество»; ¹⁰⁵ Верховный Суд РФ — к толкованию п. 1 ст. 8 Конвенции о праве на уважение личной и семейной жизни ¹⁰⁶ и др.

Правовые позиции. Российские суды отработали практику сопоставления (соотнесения) вырабатываемых ими правовых позиций с позициями ЕСПЧ. Последние способствуют восприятию и уяснению смысла

¹⁰² *Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367.*

¹⁰³ *Тузмухамедов Б. Р. Международное право в конституционной юрисдикции. Хрестоматия. М., 2006. С. 441.*

¹⁰⁴ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2004 г. № 49-Г04-48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11. С. 5.*

¹⁰⁵ *Постановления Конституционного Суда РФ: от 16 мая 2000 г. № 8-П; от 13 декабря 2001 г. № 16-П; от 14 июля 2005 г. № 8-П; от 14 июля 2005 г. № 9-П; от 27 февраля 2009 г. № 4-П (СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2257; 2001. № 52 (ч. II). Ст. 5014; 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3199; Ст. 3200; 2009. № 11. Ст. 1367); Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П // СЗ РФ. 2009. № 5. Ст. 678.*

¹⁰⁶ *Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2008 г. С. 25.*

положений ЕКПЧ, его корректировке, развитию судебной практики в русле норм Конвенции и деятельности Европейского Суда, порой даже исправлению законодательства. Без учета правовых позиций ЕСПЧ буквальное истолкование положений Конвенции может приводить к иным результатам в их применении.

В вышеупомянутом Постановлении от 5 февраля 2007 г. по делу о проверке конституционности положений ГПК РФ Конституционный Суд РФ предписал: «Федеральному законодателю надлежит, принимая во внимание правовые позиции Европейского суда по правам человека... привести правовое регулирование надзорного производства... в соответствие с признаваемыми РФ международно-правовыми стандартами». На важность правовых позиций периодически обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ: в Постановлении общего характера от 10 октября 2003 г. о применении общепризнанных принципов и норм международных договоров (п. 12), а также в постановлениях по конкретным категориям дел.¹⁰⁷

Отметим некоторые позиции ЕСПЧ, используемые судами в конкретных делах: требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам; государство не может использовать такое правовое регулирование, которое приводило бы к неравенству публично-правовых образований и частных лиц; право на свободу слова по ст. 10 Конвенции необходимо рассматривать в свете права на свободные выборы; принцип правовой определенности означает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра вступившего в силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления; право создавать ассоциацию по ст. 11 Конвенции (хотя в ней упоминаются лишь профсоюзы) есть возможность для граждан создать юридическое лицо, чтобы совместно действовать в сфере своих интересов; право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции) предполагает, что обязывающее решение не может быть изменено несудебной властью; образование рассматривается как непрерывный процесс обучения.¹⁰⁸

Роль прецедентной практики ЕСПЧ. Федеральный закон о ратификации ЕКПЧ и признании обязательной юрисдикции Европейского Суда фактически дал «зеленый свет» широкому внедрению в правовую систему прецедентной практики Суда. При этом и здесь российские суды опираются не только на обязательные постановления ЕСПЧ, принятые в отношении России, но на любые, которые могут касаться предмета рассматриваемого дела или соответствующей статьи Конвенции.

¹⁰⁷ См., напр.: Постановления от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; от 6 февраля 2007 г. № 6 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5).

¹⁰⁸ Постановления Конституционного Суда РФ: от 11 мая 2005 г. № 5-П; от 14 июля 2005 г. № 8-П; от 14 ноября 2005 г. № 10-П; от 16 июля 2007 г. № 11-П; от 17 марта 2009 г. № 5-П (СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194; № 30 (ч. II). Ст. 3199; № 47. Ст. 4968; 2007. № 30. Ст. 3989; 2009. № 14. Ст. 1770); Определения Конституционного Суда РФ: от 12 апреля 2005 г. № 113-О; от 4 апреля 2006 г. № 113-О (СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2195; 2006. № 27. Ст. 2971); *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 31-Г07-8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 12. С. 4–7.

Обращение судов к прецедентам ЕСПЧ, судя по изучению дел, стало поистине повседневым.¹⁰⁹ Прецеденты помогают российским судам в уточнении правовой аргументации по делу, формировании собственной устойчивой практики по сходным или совпадающим вопросам. С формально-юридической точки зрения постановления ЕСПЧ играют субсидирующую роль: суды приводят их для подтверждения и подкрепления своих оценок и выводов («данная позиция подтверждается практикой ЕСПЧ», «из практики Европейского Суда также следует», «такой вывод корреспондирует практике Суда», «такого же подхода придерживается ЕСПЧ» и т. п.). Фактически же они нередко «ведут» суды к обоснованию и принятию собственного решения по рассматриваемому делу.

Особая важность прецедентных решений Европейского Суда видится в том, что они порой не только применяют, но и развивают положения Конвенции. Так, в деле о проверке конституционности ч. 3 ст. 292 АПК РФ¹¹⁰ Конституционный Суд РФ обратился к выраженной им ранее правовой позиции: не является безусловным основанием для отказа в принятии жалобы пропуск по уважительным причинам срока, установленного для ее подачи. Для подтверждения обоснованности этой позиции Конституционный Суд соотнес ее с практикой ЕСПЧ и нашел, что последний также «не считает этот срок предельно допустимым (пресекательным) для защиты нарушенного права, *хотя сама Конвенция и не содержит норм о восстановлении пропущенного срока*» (курсив мой. — С. М.).¹¹¹

Порой привлекаемые постановления ЕСПЧ используются без достаточных оснований. В описанном выше Постановлении от 21 декабря 2005 г. № 13-П по Федеральному закону об общих принципах организации органов власти субъектов Федерации Конституционный Суд РФ привлек для обоснования своей позиции Постановление ЕСПЧ по делу «*Gitonas v. Greece*» от 1 июля 1997 г.¹¹² как пример применения ст. 3 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Но и данное постановление, и статья говорят о выборах только в законодательные органы, тогда как жалоба граждан и, соответственно, предмет дела касались выборности высших должностных лиц субъектов РФ. Суд же использовал их как аргумент в деле по другому предмету, фактически обосновав с помощью неподходящего аргумента совместимость изменений в рассматривавшийся закон с Конституцией.

Введение в правоприменительную практику общепризнанных принципов, применяемых ЕСПЧ. Одна из наиболее важных особенностей постановлений ЕСПЧ заключается в том, что в них содержатся не только толкование положений Конвенции, правовые позиции и прецедентная

---

¹⁰⁹ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П; от 24 января 2002 г. № 3-П; от 21 декабря 2005 г. № 13-П; от 20 февраля 2006 г. № 1-П; от 17 января 2008 г. № 1-П; от 27 февраля 2009 г. № 4-П (СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408; 2002. № 7. Ст. 745; 2006. № 3. Ст. 336; № 10. Ст. 1145; 2008. № 4. Ст. 300; 2009. № 11. Ст. 1367); Определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О; от 3 июля 2008 г. № 734-О-П (СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533; 2009. № 5. Ст. 678); и др.

¹¹⁰ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.

¹¹¹ Другой пример: *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3989.

¹¹² Доступно по адресу: <http://www.echr.coe.int>.

практика Суда, но и общепризнанные принципы, на которых должно базироваться правосудие.

Показательно, что российские суды апеллируют как к позитивному праву и правовым позициям, так и к принципам. Благодаря этому общие принципы права и общепризнанные принципы международного права активно вводятся в правовую систему страны, прежде всего в правоприменительную практику, становятся привычной нормативной основой принятия решений, наряду с законодательством.

Высший Арбитражный Суд РФ в упоминавшемся информационном письме «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» отметил взаимосвязь компетенций национальных судов по разрешению споров и ЕСПЧ по рассмотрению жалоб на нарушение имущественных прав, рекомендовал принять во внимание при осуществлении правосудия, в частности, следующие принципы, из которых исходит Европейский Суд: баланс частных и публичных интересов, доступ к суду, разрешение спора независимым судом и соблюдение законодательно установленной процедуры, беспристрастность, справедливость судебного разбирательства, разумность его сроков и открытость.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 10 октября 2003 г. дал понятие общепризнанных принципов международного права. В постановлениях по конкретным вопросам Пленум ориентирует суды на отдельные группы принципов. Так, в Постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ»¹¹³ он обратил внимание судов на обязанность при применении к работнику дисциплинарного взыскания соблюдать признаваемые Россией общие принципы юридической ответственности, справедливости, равенства, соразмерности, законности, вины, гуманизма; в Постановлении «О вопросах, возникающих у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» — на перечень международных принципов охраны прав авторов, закрепленных в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. В Обзоре нормативных актов и судебной практики, касающихся обеспечения прав человека на свободу и личную неприкосновенность,¹¹⁴ Верховный Суд РФ перечислил документы, содержащие общепризнанные принципы и нормы в этой сфере.

Конституционный Суд РФ регулярно соотносит свои правовые оценки с принципами, зафиксированными в решениях ЕСПЧ, такими как принцип самостоятельности судебной власти, обеспеченности правосудием прав человека, справедливого правосудия, окончательности и стабильности решений, вступивших в законную силу, правовой определенности и др.¹¹⁵

Постановления ЕСПЧ как основание для пересмотра судебных актов. Из всех рассмотренных выше форм «присутствия» решений Европейского Суда в правовой системе России, их влияния на правоприменительную практику данная форма, очевидно, в наибольшей мере соответствует

¹¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

¹¹⁴ Там же. 2008. № 5.

¹¹⁵ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П; от 17 ноября 2005 г. № 11-П; от 17 января 2008 г. № 1-П; от 27 мая 2008 г. № 8-П; от 27 ноября 2008 г. № 11-П (СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626; 2005. № 48. Ст. 5123; 2008. № 4. Ст. 300; № 24. Ст. 2892; № 51. Ст. 6205); *Определение* Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2195.

содержанию Закона о ратификации ЕКПЧ. Признание юрисдикции Суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции не только предполагает, в случае принятия постановления в отношении России, обязанность выплаты компенсации, но может повлечь и изменение законодательства, в судебной же сфере — пересмотр вынесенных решений.

В УПК РФ и АПК РФ (ст. 413 и 311 соответственно) постановления Европейского Суда рассматриваются как основания для пересмотра судебных решений ввиду новых обстоятельств. ГПК РФ такого основания не содержит, тем не менее и здесь пересмотр вполне допустим на основе аналогии права — исходя из принципов законодательства (ст. 1 ГПК) и рассматриваемого конституционного принципа. Иное было бы нелогично и шло вразрез с Конституцией РФ.

Примером подобного влияния постановлений ЕСПЧ могут служить два постановления Президиума Верховного Суда РФ. Одним из них Президиум отменил судебные решения в связи с Постановлением Европейского Суда от 9 июня 2005 г. по делу «Бакланов против Российской Федерации»,¹¹⁶ признавшим нарушение ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, в другом — в связи с Постановлением от 13 июля 2006 г. по делу «П. против России»,¹¹⁷ признавшим нарушение п. «d» § 3 и § 1 ст. 6 Конвенции (в обоих случаях при рассмотрении уголовных дел).¹¹⁸ Заметим, что при опубликовании второго постановления вывод Президиума был вынесен в качестве надзаголовка самого постановления как правило общего характера (очевидно, для ориентира судам при рассмотрении последующих подобных ситуаций).

Заключение. Со времени принятия Конституции РФ 1993 г. сложилась широкая, разветвленная и устойчивая система использования и применения в практике (суды, прокуратура, иные виды правоприменительных органов, адвокаты, граждане) международных обязательств России. Судебная власть играет здесь ведущую роль. Обращение к международным нормам стало привычным делом в судах всех видов и уровней.

Закрепленное в качестве одной из основ конституционного строя страны положение об общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ как составной части правовой системы страны (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) радикально изменило место и роль международных обязательств в сфере внутригосударственной юрисдикции. Суды достаточно смело освоили данный конституционный принцип и постоянно опираются на него в своей деятельности.

Более того, суды воспринимают и используют этот конституционный принцип не только формально-юридически. Они значительно развили его буквальное содержание в практической деятельности применения международных норм и опираются не только на нормативно-правовую составляющую (общепризнанные принципы и нормы и международные договоры), но практически на все элементы международно-правовой системы — резолюции и рекомендации международных организаций, решения международных органов, модельные акты, правовые позиции и решения международных судебных учреждений. Названные акты, не имеющие обязательного юридического или нормативного характера, используются российскими судами для правовой аргументации, подтверждения своих

¹¹⁶ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 10.

¹¹⁷ Доступно по адресу: <http://www.echr.coe.int>.

¹¹⁸ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 10 мая 2006 г. № 203-П06-ПРК (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 10. С. 17–18); от 29 августа 2007 г. № 290-П07 (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 20–21).

выводов и оценок, выработки правовых позиций, обоснования и принятия решений, а решения международных судов с обязательной в отношении России юрисдикцией — для пересмотра актов российских судов с целью выполнения международных обязательств.

Международная составляющая правовой системы России в действительности намного шире, чем предусмотрено буквой Конституции.

Существующие проблемы и недочеты в деятельности судов по использованию и применению международных норм и обязательных решений международных органов дают материал и возможность для корректировки практики.